Научная статья
УДК 93/94
DOI 10.46698/VNC.2026.60.55.001

В.Д. Дзидзоев

Границы Южной Осетии в XVII–XIX вв.

Валерий Дударович Дзидзоев
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, историко-юридический факультет, профессор кафедры истории Осетии и кавказоведения, доктор исторических наук, г. Цхинвал РЮО, главный научный сотрудник ВНЦ РАН, **dzidzoevv@mail.ru**

Аннотация. *Статья посвящена проблемам Южной Осетии в XVII–XIX вв., ее границам и постоянному местопроживанию осетин. Эта проблема всегда вызывала споры между грузинскими и осетинскими исследователями, но с конца 80-х гг. XX в. в силу известных причин данная проблема стала в высшей степени актуальной, в средствах массовой информации Грузии этот вопрос поднимается постоянно, причем искажаются очевидные факты и архивные документы. Автор приводит не только мнение современных отечественных специалистов, но и ученых Петербургской Академии наук, которые в разные годы в XVIII–XIX вв. побывали в Осетии и в Грузии, ссылается на путевые заметки И. Гюльденштедта, Л. Штедера, Я. Рейнегса и других. Они убедительно показывали компактное проживание южных осетин, которые и несколько веков назад проживали на той же территории, что и сейчас – в Республике Южная Осетия.*

Ключевые слова: *Кавказ, Осетия, Грузия, Южная Осетия, Грузинская ССР, Абхазия, ученые, путешественники, граница, Осетинский округ, Яновский, Вахтанг VI, Российская империя, аланы-осетины, Аланское государство, Большая Лиахва, Малая Лиахва, Ксанское общество, Петербургская академия наук, Ираклий II, Мамисон, монастырь, осетинский район*
Для цитирования: *Дзидзоев В.Д. Границы Южной Осетии в XVII–XIX вв. // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2026. Т. 26. № 2. С. 45 –55. DOI 10.46698/VNC.2026.60.55.001*

The borders of South Ossetia in the 17th-19th centuries

Valery D. Dzidzoev
A.A. Tibilov South Ossetian State University, Department of Ossetian History and Caucasian Studies at the Faculty of History and Law, Dr., Professor, Republic of South Ossetia, Tskhinval, chief researcher at VNC RAS, **dzidzoevv@mail.ru**

Abstract. *The article is devoted to the problems of South Ossetia in the 17th-19th centuries, its borders, and the permanent residence of the Ossetians. This issue has always been the subject of debate between Georgian and Ossetian researchers, but since the late 1980s, due to various reasons, it has become highly relevant, and the Georgian media constantly raises this issue, distorting obvious facts and archival documents. The author cites not only the opinions of prominent Russian experts, but also the well-known scientists of the St. Petersburg Academy of Sciences, who visited not only Ossetia but also Georgia and the Caucasus in general in the 18th and 19th centuries. The author refers to their travel notes, highlighting the contributions of J.A. Güldenstädt, L. von Steder, J. Reineggs, and others. These authors convincingly demonstrated the compact settlement of the South Ossetians, who have been living in the same territory for centuries, including in the Republic of South Ossetia.*

Keywords: *Caucasus, Ossetia, Georgia, South Ossetia, Georgian SSR, Abkhazia, scientists, travelers, border, Ossetian District, Yanovsky, Vakhtang VI, Russian Empire, Alans-Ossetians, Alanian State, Bolshaya Liakhva, Malaya Liakhva, Ksanskoye Society, St. Petersburg Academy of Sciences, Heraclius II, Mamison Pass, monastery, Ossetian District*
For citation: *Dzidzoev V.D. The borders of South Ossetia in the 17th-19th centuries // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2026. V. 26. № 2. .P. 45 –55. DOI 10.46698/VNC.2026.60.55.001*

Проблемы Южной Осетии, ее границы, территория многовекового постоянного проживания осетин всегда вызывали споры и дискуссии в политических кругах Грузии. Особенно острый характер они стали носить по мере возрастания национального самосознания и национальной идентичности не только грузинского, но и осетинского народа, веками проживающих на совместной территории в Закавказье. Предки современных осетин – аланы, сарматы и многочисленные скифские племена достаточно компактно проживали на территории современной Грузии еще до нашей эры. Интересные сообщения об этом имеются в академических исследованиях не только М.И. Ростовцева [17, с. 241–257], М.Н. Погребовой [16, с. 18–24], Б.В. Техова [20, с. 15], Ю.С. Гаглойти [5, с. 107], но и авторитетных грузинских уче-

ных – академиков Г.А. Меликишвили [13, с. 118–120], Г.С. Ахвледиани [2, с. 170] и др.

В высшей степени интересными и объективными представляются выводы известных и признанных грузинских ученых-лингвистов, сделанные ими на основе глубокого и всестороннего анализа грузино-осетинских языковых контактов. Так, академик Г.С. Ахвледиани утверждал, что «нагорную часть севера Грузии занимало, видимо, с раннего феодализма довольно компактное осетинское население, несомненно общавшееся со своими северными сородичами (северными осетинами. – ***В. Дз.***)». Касаясь же древности грузино-осетинских языковых связей, взаимоотношения которых «можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием», признанный ученый полагает, что картвельские и аланские племена «с каких-то давних времен продолжительно жили общей жизнью, тесно взаимодействуя друг с другом. Это могло иметь место с последних веков до н. э., естественно, заходя в первые века н. э. В этом убеждает нас, в частности, замечательный памятник «Армазская билингва» (I–II вв. н. э.)» [2, с. 160, 170]. Приведенное мнение разделяется и другими учеными Грузии. В частности, профессор М.К. Андроникашвили пишет: «Население древней Грузии тесно было связано со скифо-сарматскими племенами, которые соседили с ним как с севера, так и с юга, и на самой территории Грузии (особенно в нагорной части)» [1, с. 45]. Таким образом, у объективного исследователя грузино-осетинских отношений, начиная с древнейших времен и до наших дней, имеется достаточно большое количество исторических документов. В том числе архивных (важно подчеркнуть, что среди них и грузинские), убедительно свидетельствующих, что компактное проживание южных осетин и их предков – средневековых алан, а также сарматов и скифов в Закавказье начинается со времен до н. э.

Тем не менее в конце XX – нач. XXI вв. в Грузии по известным причинам националисты, придерживаясь антинаучной концепции «коренных народов» и «пришельцев» («некоренных народов»), стали повсеместно пропагандировать в СМИ исключительные права только этнических грузин. При этом оскорбляя и унижая «пришельцев» (многие из которых веками проживали на своей исторической родине, и уже поэтому должны были признаваться властями Тбилиси полноправными гражданами Грузии), которые фактически изгонялись из страны. Об этом пишут известные специалисты В.А. Захаров, А.Г. Арешев и Е.Г. Семерикова. Они подчеркивают: «Международные организации находились в эйфории от объявленной М.С. Горбачевым перестройки, ожидая от его реформистской деятельности только позитивных шагов. Из-за этого абхазы оказались в одиночестве перед постоянно нарастающей волной грузинского шовинизма, который расцвел пышным цветом с приходом к власти осенью 1990 г. первого президента З. Гамсахурдиа.

Вскоре в Грузии началась этническая «чистка нации». Из республики было выслано 4 тыс. дагестанцев, началась эмиграция греков, появились трения с азербайджанским и армянским меньшинствами на южных и восточных границах Грузии» [10, с. 103]. К ним можно добавить десятки тысяч граждан Грузии разных национальностей, которые также стали беженцами за пределами своей страны.

С конца 80-х гг. XX в. в Грузии началась необдуманная и провокационная массовая кампания против автономий, которые также сопровождались в СМИ унижениями, оскорблениями и явно фальсификационными сюжетами из истории и культуры Абхазии, Аджарии и Южной Осетии. Так, З. Гамсахурдиа на митинге в Тбилиси 5 апреля 1989 г. говорил: «Абхазская нация никогда не существовала… Они борются с грузинами, с Грузией для того, чтобы обрусеть… Пока существует советская власть, мы не сможем упразднить автономии Абхазии, Аджарии, Южной Осетии…» [10, с. 102]. Эти и многие другие шокирующие примеры до предела наполняли межнациональные отношения и сложные этнополитические процессы. В конце 80-х–нач. 90-х гг. XX в. в Грузинской ССР (Республике Грузия) не только политическое руководство, но и в целом многонациональное общество, помутившееся на крайнем национализме, активно пропагандировало, что «негрузинские народы живут на гостеприимной земле грузинского народа» [9, с. 87]. Разумеется, так называемая концепция «коренных народов» и «пришельцев» с научной точки зрения не выдерживает даже элементарной критики.

В настоящей статье автор преследует цель – показать, хотя бы коротко, компактное расселение осетин, в том числе их непосредственных предков – алан, а также более далеких предков – сарматов и скифов на территории Закавказья, где они веками проживали, непосредственно соседствуя с Грузией. При этом автор опирается на проверенные исторические документы, архивные источники, а также на уникальные работы А.Г. Яновского (1798 – год смерти неизвестен), Я. Рейнеггса (1744–1793 гг.), И. Гюльденштедта (1745–1781 гг.), Г.-Ю. Клапрота (1783–1835 гг.), Л. Штедера (даты рождения и смерти неизвестны) и других исследователей, разумеется, неосетинской национальности. Все они продолжительное время с различными миссиями побывали на территории Осетии. Автор считает, что записи неангажированных исследователей XVIII–XIX вв. отличаются особой объективностью, т. е. в то время вряд ли они пытались становиться на сторону грузин или осетин. Они лишь руководствовались тем, что видели, т. е. весомыми и убедительными аргументами, далекими от политической и иной конъюнктуры. Исходя из этого, значительно легче по крупицам восстанавливать не только территорию современной Южной Осетии, но и места компактного проживания представителей осетинского народа на территории Закавказья.

Большие споры у некоторых грузинских иссле-

дователей вызывает и появление в Закавказском крае в 1842 г. Осетинского округа, который в определенном смысле выполнял функции осетинского национально-территориального и национально-административного образования в составе Российской империи. Можно напомнить, что здесь осуществлялось гражданское административное управление по законам Российской империи [11, с. 67]. Фактически появление отдельного самостоятельного Осетинского округа можно рассматривать не только как первый опыт функционирования нескольких югоосетинских обществ (разумеется, сюда входили жители, в первую очередь, осетинских сел, проживавших в различных ущельях Закавказья), но и как уникальное событие в истории и культуре Южной Осетии. Здесь нам на помощь приходят не только архивные документы, но и описание Осетии А.Г. Яновским, российским государственным чиновником, который издал в 1836 г. отдельную работу. Она была выполнена по заказу министра финансов Российской империи Егора Францевича Канкрина и имеет название «Обозрение Российских владений за Кавказом» [26, с. 4]. Учитывая её большую актуальность, она была переиздана в Цхинвале в 1993 г. под названием «Осетия» [27].

Современные исследователи, занимающиеся проблемами Южной Осетии и Абхазии, в силу объективных причин не располагают максимальной и необходимой информацией о биографии и государственной службе А.Г. Яновского. Однако известно, что он родился около 1798 г., а в 1818 г. с прекрасными результатами окончил юридический факультет Харьковского университета, затем «служил переводчиком в Екатеринославской конторе иностранных поселений» [25, с. 256]. В 1819 г. переехал в Санкт-Петербург, где в разные годы «служил в Военном министерстве, Сенате, Министерстве юстиции, а затем в Министерстве финансов Российской империи. В 1828 г. он получил назначение на Кавказ» [27, с. 4], в Казенную экспедицию Верховного грузинского правительства, «совещательного органа при главноуправляющем Грузии, созданного в 1801 г. в связи с присоединением Восточной Грузии к Российской империи» [19, с. 376]. Верховное грузинское правительство фактически приступило к управлению «в апреле 1802 г. и состояло из четырех экспедиций, председателями которых были русские чиновники, советниками (мдиванбегами) – грузинские князья и русские чиновники» [19, с. 376]. Касаясь деятельности этого специфического совещательного органа при главноуправляющем Грузии, необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, «в гражданских делах он руководствовался законами грузинского царя Вахтанга VI, а в уголовных – законами Российской империи» [19, с. 376]. Во-вторых, царь Картли (с 1703 по 1724 гг.) Вахтанг VI (1675–1737 гг.) был одним из самых дальновидных политических деятелей Грузии первой половины XVIII в. Кроме того, Вахтанг VI был писателем и ученым, который в области внешней политики продолжал линию многих предшественников – ориентацию на Россию [18, с. 1017]. Под его руководством был создан «Свод законов» – сборник распоряжений и инструкций по государственному управлению («Дастурламали»). Свод законов Вахтанга VI, «составленный в 1705–1708 гг. при участии представителей высшей духовной и светской знати, юридически оформил крепостное право» [18, с. 1017]. В-третьих, кодификация законов была вызвана возросшими требованиями судебной практики из-за обострений классовых противоречий. Отметим, что «Свод законов» сыграл определенную позитивную роль в борьбе за укрепление царской власти в противостоянии с крупными феодальными группировками. В-четвертых, «Свод законов», который в историографии получил название «Уложение царя Вахтанга VI», действовал на всей территории Грузии, а не только Картли [18, с. 1017]. Значительная часть «Вахтанга законов» на территории Грузии действовала и после присоединения к Российской империи [18, с. 1017], что можно рассматривать как максимальное невмешательство русских во внутренние проблемы Грузии.

Александр Григорьевич Яновский на протяжении нескольких лет (1829–1831 гг.) активно принимал участие в различных делах Южной Осетии. В результате систематических поездок из Тифлиса в Южную Осетию ему удалось близко познакомиться со многими осетинами, грузинами, представителями других народов. Будучи высокообразованным для своего времени государственным чиновником, А.Г. Яновский подготовил обоснованный и максимально объективный труд, «ставший первым серьезным опытом общего описания Южной Осетии, из которого на протяжении полутора столетий ученые-осетиноведы черпают сведения о материальной культуре, хозяйстве, общественных отношениях, традициях, обычному праву и религии южных осетин. По сей день эта содержательная работа, давно ставшая библиографической редкостью, остается важным свидетельством истории, культуры, этнографии и быта Южной Осетии первой трети прошлого столетия и заслуживает внимания не только специалистов, но и широких читательских масс» [27, с. 5].

На территорию Закавказья аланы-осетины переселялись так называемыми «волнами». До периода функционирования средневекового феодального Аланского государства отечественная историография зафиксировала несколько таких «волн». Однако после катастрофического разгрома Аланского государства в XIII в. большая часть алан-осетин вынужденно переселилась на территорию Закавказья. Данный исторический факт зафиксирован во многих документах, в том числе находящихся в архивохранилищах Грузии. Аланы-осетины компактно проживали на южных склонах Кавказского хребта, в ущельях рек Большой и Малой Лиахвы, Чисандон (Ксани), Арагви, Стыр-

дон (Джоджора) и др. «Волны» переселения продолжились и после XIII в. – на территорию Южной Осетии, а также в другие места Грузии. Таким образом, процесс расселения алан-осетин на территории Закавказья, начавшийся с древнейшего периода, окончательно сформировался в XIII–XIV вв. Тогда это называлось территорией исторической Туалии (в грузинских источниках она называется Двалетией, а по-осетински Туалгом). Отмечу, что определенная часть современных грузинских ученых-историков пытается оспорить, что историческая Двалетия была составной частью Осетии. Они пытаются доказать, что жители Двалетии были черкесами или вайнахами, но только не осетинами. Это лишнее свидетельство того, что борьба против Осетии и осетинской историографии ведется мощными силами современных грузинских ученых, которые очень часто игнорируют очевидные факты и конкретные исторические примеры.

Южная Осетия включала в себя несколько обществ. Дзауское общество занимало среднее течение реки Большая Лиахва. В Ксанском обществе компактно проживали аланы-осетины, многие из которых в процессе многовековой ассимиляции, а затем и насильственной (вынужденной) грузинизации уже к XVIII–XIX вв. стали писаться по-грузински. Многие Гаглоевы стали Гаглошвили, Алборовы – Алборошвили, Тедеевы – Тедешвили или Тедиашвили и т. д. Территория Ксанского общества включала горные ущелья и предгорные долины рек Лехуры, Медзыдон (Меджуды), Малой Лиахвы и т. д. Проблема алан-осетин на протяжении нескольких веков состояла в том, чтобы найти удобные земли в достаточных размерах. Иначе невозможно было прокормить семью. Эта жизненная аксиома сохранялась и на территории Закавказья, в том числе в Грузии, и преследовала осетин на протяжении веков, как на Севере, так и на Юге Осетии. Надо сказать, самые тесные и доброжелательные отношения у алан-осетин сложились с грузинами, проживавшими в княжестве Картли (небольшая часть единого Грузинского централизованного государства). В целом доброжелательные и взаимовыгодные взаимоотношения сложились между алано-осетинской и грузинской знатью.

При анализе сложных процессов переселения алан-осетин на территорию Закавказья большую помощь современным исследователям оказывают архивные источники, в первую очередь грузинские. Так, по сведениям Парсадана Горгиджанидзе, Вахушти Багратиони и других грузинских историков прошлого, область расселения осетин Южной Осетии в то время практически идентична области их расселения в середине XX в. [7, с. 73; 3, с. 102; 4, с. 68–69]. Грузинские историки о расселении алан-осетин писали много раз, но особенно активно применительно к XVII–XVIII вв. К Южной Осетии они также относили осетин Трусовского ущелья (по-осетински *Тырсы-гом*) и Кудского (Гудского) общества (по-осетински *Хъуды-ком*), где компактно проживало большое количество осетинских семейств. В то время Трусовское ущелье и Кудское общество входили в состав единой Осетии, хотя с установлением советской власти эти исконно осетинские территории стали составной частью Грузии. Важно подчеркнуть и то, что на территорию Южной Осетии переселялись осетины из других районов Грузии.

Большую помощь современному исследователю, как было подчеркнуто выше, оказывают различные интересные записи русских и иностранных путешественников, военных, дипломатов, купцов, этнографов, историков и т. д. Так, академик Петербургской Академии наук Иоганн Антон Гюльденштедт (Гильденштедт) еще во второй половине XVIII в. подробно изучил Ксанское ущелье и писал об «осетинских округах», которые видел уже в те годы. Этот талантливый немецкий исследователь «в 1768–1774 гг. возглавил экспедицию по изучению юга России и Кавказа. На Кавказе отряд И. Гюльденштедта находился с января 1970 по лето 1773 гг. Экспедицию сопровождали переводчики из числа местных жителей, которые знали русский, осетинский и грузинский языки и были знакомы с дорогами. За три с лишним года И. Гюльденштедтом обследованы многие горные районы, в том числе Осетии – Тагаурское и Дигорское общества, аулы в Дарьяльском, Кобинском, Ксанском, Дзаугском и Кударском ущельях. И. Гюльденштедт зафиксировал расселение отдельных групп осетин, топонимику Осетии и прилегающие к ней районы. Им дано описание жилища, одежды, пищи, повседневных занятий кавказских горцев» [14, с. 163]. Отмечу, что образ жизни осетин, их топонимику и этнографию немецкий путешественник настолько хорошо изучил, что сегодня это вызывает только приятное удивление. Судя по всему, он был еще хорошим психологом, что явствует из его ежедневных записей, которые он вел на протяжении нескольких лет. В этой связи отметим его характеристику Осетии, в которой он подчеркивал, что «главной отличительной чертой Осетии конца XVIII в. являлась ее раздробленность» [14, с. 163]. Исключительно точная характеристика. Еще более точную характеристику он давал взаимоотношениям отдельных осетин, которые проживали в разных ущельях Осетии: «Более или менее независящие друг от друга округа (Осетии. – ***В. Дз.***) не держатся вместе, а живут отдельно, даже в открытой вражде, осложняя и без того свою суровую жизнь» [14, с. 163]. Разумеется, такие характеристики не очень-то нравятся современным «ура-патриотам» Осетии. Но это уже другой вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

И. Гюльденштедт был не просто путешественником, а состоял действительным членом (академиком) Российской Академии наук (в те годы Петербургская Академия наук). По ее заданию он был послан на Кавказ с важнейшей задачей сбора необходимого материала о кавказских народах, в первую очередь об осетинах и грузинах. Работы И. Гюльденштедта до сих пор не только пользуют-

ся большим научным интересом, но и в познавательном плане не теряют своей актуальности. В его интересной и актуальной работе «Путешествие по России и Кавказским горам» исследователи, как предыдущие, так и современные, находят немало интересного и заслуживающего внимания. В 1771 г. И. Гюльденштедт из Осетии ехал в Грузию и внимательно записывал все то, что видел по правую и левую стороны Военно-Грузинской дороги. Он писал: «Из Нижнего Чима (Чми. – ***В. Дз.***) 11 сентября 1771 г. я выехал со своими спутниками, среди которых находились также 24 терских казака в качестве воинов. Это случилось в то время, когда упомянутый ранее князь Ахмет (тагаурский феодал Ахмет Дударов. – ***В. Дз.)*** доставил грузинскому царю Ираклию II несколько сот взятых на службу осетин. Мы проехали по горам через небольшие станции… и достигли Душета в центре Кардоеля (территория Грузии. – ***В. Дз.***), где меня очень хорошо принял грузинский наместник князь Койхосров Чалокашвили. В связи с этим я остался там для исследования местности и отправил в Тифлис моих осетинских спутников, неразлучно следовавших до сих пор со мной» [15, с. 73]. Далее немецкий путешественник и исследователь перечислил осетинские села и целые осетинские регионы, через которые проезжал. Он писал: «На Арадоне (Ардоне. – ***В. Дз.***) сверху вниз расположены следующие районы: осетинский район Девалети (Двалетия. – ***В. Дз.***), по-грузински Твалта, или Долети по-осетински; осетинский район Сака около истоков Джеджа, притока Риона; затем осетинские районы Нар, Маммезон (Мамисон. – ***В. Дз.***), или Мансурари и Сарикали, в которых имеется медная руда. Все эти пять районов, находящиеся высоко в горах, объединяются часто под общим названием района Маммезон (Мамисон. – ***В. Дз.***). Ниже этих районов, вдоль горной речки, слева и далее в известняковых горах расположен район Валагир (Алагир. – ***В. Дз.***)» [15, с. 74]. Здесь важно подчеркнуть, что историческую часть Осетии, которая называется во многих источниках «Двалетией», находящаяся в центре Осетии, И. Гюльденштедт правильно записал осетинским районом. Вряд ли исследователь мог спутать исторические районы Осетии с грузинскими. В своих записях он четко зафиксировал, что «11 сентября 1771 г. выехал из осетинского селения Чим в сторону Грузии» [15, с. 75]. По пути он внимательно изучал южный склон Кавказских гор путем наблюдений и исследований всего того, что там видел, людей, их национальную и религиозную принадлежность, количество селений, государственное устройство и т. д. Так, 29 июня 1771 г. он записал следующее: «В нескольких верстах выше по этой речке (Ксани. – ***В. Дз.***) находится селение Алеви, а в ее верховьях расположен осетинский округ Сапершети. Напротив Орниты на правом берегу Ксани находится Курта (большой населенный пункт в Южной Осетии. – ***В. Дз.***)» [15, с. 76]. Далее внимательный путешественник и ученый отмечал: «На всех этих речках (Ксани, Чурте, Карчоки и др. – ***В. Дз.***) расположены небольшие грузинские селения, а у их истоков находятся осетинские районы, называемые по наименованиям речек… Напротив монастыря Ларган находится селение Лагоше, населенное осетинами» [15, с. 76]. Из дневниковых записей И. Гюльденштедта явствует, что 2 июля 1771 г. они отправились верхом из Ларгви «сперва на юго-запад, затем на северо-запад вверх до Чарта и через 3 часа достигли осетинского селения Скунет» [15, с. 77]. Исследователь старался отмечать не только названия селений, где проживали осетины, но и их древние традиции, современные взаимоотношения с другими народами, и в первую очередь с грузинами. Увиденное им и зафиксированное в виде дневниковых записей заслуживает большого уважения к памяти этого человека, сделавшего так много для истории и культуры осетинского народа. В его записях обращает на себя внимание и такой эпизод: «Из Скунета наш путь шел в гору в течение 1 часа… достигнув Малой Лиахвы, вдоль которой живут осетины. Отсюда мы проехали еще час в гору до осетинского селения Склеби-Бассели, где переночевали» [15, с. 77]. Далее И. Гюльденштедт пишет: «Около Склеби на Меджуда находятся 4 осетинских селения и грузинские селения… вдоль Лехура расположены осетинские селения С.-Хратсхара и Босселта и грузинское селение Колоти» [15, с. 77].

Изучая дневниковые записи И. Гюльденштедта, невольно удивляешься его высокой ответственности за порученное дело, педантичности и исключительной точности в научном исследовании. Так, он подчеркивает, что 2 июля 1771 г. они выехали верхом из Склеби и направились на запад с некоторыми отклонениями от дороги. Сперва, как он пишет, «в течение получаса мы ехали в гору, где с возвышенности увидели ущелье реки Батара Лиахви, затем после дальнейшего подъема в гору в течение ¼ часа, мы достигли осетинского селения Циппор» [15, с. 77]. Обращаю внимание, что путешественник не просто фиксировал местонахождение осетинских и грузинских сел, но даже указывал расстояние между ними, через какие речки ему и его спутникам приходилось переходить, каких трудов это стоило путникам и многое другое. Он отмечал: «Мы переехали реку и через ¾ часа достигли по правому берегу крепости Адзерискеви. Здесь мы снова перебрались на левый берег реки, вдоль которого через ¼ часа достигли селения Цунбани. Затем в течение ¾ часа мы три раза переезжали реку, и, сделав даже значительную часть реки по воде, достигли, наконец, осетинского селения Самкари. Отсюда в ¾ часа пути на возвышенности расположена крепость Беллоте. От Беллоте в ¼ часа пути к западу находится осетинское селение Эртула, напротив которого на левом берегу Лиахве расположено селение Хутабскари» [15, с. 78]. Из этих записей видны не только трудности пути, но скрупулезная ответственность исследователя и путешественника. И хотя он некоторые названия на-

селенных пунктов, рек, округов иногда неправильно записывает, эти оплошности не имеют большого значения в данном контексте. Его записи помогают определить местопребывание современных южных осетин и их предков, границы нынешней Южной Осетии, которые достаточно часто, особенно в последние годы, в связи с признанием независимости Россией Республики Южная Осетия, подвергаются не только сомнению, но и неприкрытой фальсификации и искажениям исторических фактов.

И. Гюльденштедт зафиксировал в 1771 г., что он и сопровождавшие его лица «достигли речки Гриа около селения Ванати, где на левом берегу Батара Лиахви видна крепость Ванати, расположенная на значительной высоте. На речке Гриа расположен осетинский район Чру, принадлежащий царю Ираклию II» [15, с. 78]. Приводя интересные и увлекательные факты не только из жизни осетин, но и грузин, И. Гюльденштедт пишет: «5 июля 1771 г. мы выехали верхом из Крцхинвала (современный Цхинвал – столица Южной Осетии. – ***В. Дз.***) и отправились вверх вдоль правого берега Диди Лиахви. Вскоре мы увидели селение Гризе и осетинское селение Уданети, примерно в I версте к западу от дороги… Недалеко отсюда находится селение Курта, населенное как грузинами, так и осетинами… От Кехви мы поехали дальше вверх по правому берегу реки и достигли речки Итрапула, вдоль которой живут отдельные осетинские фамилии, через 1 ½ часа мы добрались до осетинского селения Гупта (современное осетинское село в Южной Осетии Гуфта. – ***В. Дз.***)» [15, с. 79]. Надо отметить, что уже в то далекое время в Южной Осетии были осетины, которые владели, кроме своего, еще грузинским и даже русским языками. Об этом писал И. Гюльденштедт: «6 июля 1771 г. … меня передали осетинским старейшинам из Гупта; ... он оставил мне трех своих людей, которые понимали по-русски, осетински и грузински» [15, с. 80]. Продолжая свои интересные наблюдения, ученый далее сообщает: «Следуя из Цахо в западном и северо-западном направлении, мы достигли после часа пути небольшого притока Паца… От Цахо далее идет дорога выше к северу, где имеется селение Тамута – последнее или крайнее осетинское селение в районе Джауком (Джавское ущелье Южной Осетии. – ***В. Дз.***) или по-грузински Джависхеоба» [15, с. 80].

Забегая вперед, отметим, что задание Академии наук Петербурга в целом он выполнил на достаточно высоком уровне. Сказанное, однако, не означает, что И. Гюльденштедт в своих наблюдениях, прогнозах и научном анализе не допускал ошибок, заблуждений и поверхностных выводов. К сожалению, допускал. Так, он считал, что осетины являются потомками половцев, мощного древнего и средневекового тюркоязычного народа. В последующие годы эту версию подвергли обоснованной критике, в первую очередь немецкий ученый Ганс-Юлиус Клапрот и другие специалисты. Однако современные исследователи проблем народов Кавказа, и прежде всего осетинские ученые, должны благодарить И. Гюльденштедта за правдивое во многих аспектах изложение материала об исконном проживании осетин на территории Южной Осетии и в других регионах Картли. Так, он отмечает, что чересполосное расселение грузин и осетин ему приходилось видеть много раз в верховьях Арагви и Меджуды, к северу от Цхинвала, нынешней столицы Республики Южная Осетия. Относительно большого селения Курта, которое находится на территории Южной Осетии, писал, что здесь «вместе живут грузины и осетины, мирно сосуществуя». Путешественник называет округ Гуда, где находится 7 осетинских селений. Согласно его сведениям, в Киуле в двух селениях из 11 живут осетины, а в селении Кеви Сарети полностью живут осетины.

По берегам реки Малая Лиахва находятся, по сведениям немецкого путешественника и ученого, осетинские округа Гунго, Пачур, Ткупта, Гнасур, Кобаис, Гриа. Вдоль Большой Лиахвы И. Гюльденштедт указывает осетинский округ Уртсвалад (Урс-Туалта; в переводе с осетинского Белая Туалетия. – ***В. Дз.***). Грузино-осетинские округа Спа, Джонах, Гудис, Дживатскар, Джауком, грузинский округ Магран Двалети и Меджунскеви. У левого притока Риона Джедо находится имеретинско-осетинский округ Твалда. В верховьях Терека в обществах Сони и Мекевани «среди осетинских семейств всё же живут и многие грузины» [8, с. 151].

Из этих ценных сведений можно сделать следующие выводы. Во-первых, постоянное место жительства южных осетин – на территории Закавказья, в частности в Южной Осетии. Во-вторых, между представителями двух соседних народов путешественник не замечал каких-либо трений, недоразумений, а тем более межэтнического противостояния. Что касается эксплуатации осетинского народа со стороны землевладельцев, особенно грузинских князей Мачабеловых и Эристовых, то они с таким же успехом эксплуатировали и грузинских крестьян. Разница только в том, что беспощадная эксплуатация осетин со стороны грузинских землевладельцев постепенно вызывала не только конкретные формы массового протеста, приобретавшего черты национально-освободительного движения.

В XVI–XVIII вв. продолжались миграционные волны осетин на территорию Закавказья, особенно в Картли и Южную Осетию. Важно подчеркнуть, что в этот период грузины и осетины проживали совместно в сотнях различных населенных пунктах, где постепенно росло количество, во-первых, межнациональных браков между ними, а во-вторых, происходила добровольная, а кое-где и вынужденная ассимиляция осетинского народа в более мощном во всех отношениях «грузинском интернациональном котле». В этот период, а может быть и ранее, сформировалось прекрасное двуязычие, когда осетины могли свободно разговаривать не только на материнском, но и на грузинском языке.

Со временем происходила утрата осетинами своего языка, традиционной культуры, психологических свойств и переход полностью на грузинский язык, культуру, психологию и менталитет. Тем не менее многие из них, забыв свое родное этническое, все равно помнили о своем осетинском происхождении. Однако обстоятельства жизни и быта среди грузин постепенно превратили их в представителей другого народа. Таких ассимилированных осетин в общей сложности можно насчитать десятки тысяч человек, которые продолжительное время проживали в Картли и Имеретии. Это можно определить даже по тем грузинским фамилиям, в основе которых лежит осетинский этнический корень. Имеются в виду Гудиашвили, Меладзе, Иллуридзе, Ломидзе и т. д. Вопрос этот достаточно деликатный, сложный, а иногда приобретает и противоречивый характер. Особенно это касается вопросов фальсификации истории Грузии, Абхазии, Южной Осетии, а также современных российско-грузинских отношений. Данная проблема, думается, нуждается в более серьезном и ответственном подходе. Здесь имеются серьезные недоработки, упущения, «лакирование проблемы», а проще говоря, массовая фальсификация отдельных вопросов отечественной истории. К примеру, утверждается, что осетины появились не только в Южной Осетии, но в целом и в Закавказье лишь в период XVII–XIX вв. Так, доктор исторических наук, профессор Н.Ю. Ломоури утверждает: «Я могу с полной ответственностью и определенностью констатировать, что ни один письменный источник, никакой археологический материал, ни данные топо- или гидронимики, а также этнографии не указывают на мало-мальски компактное поселение осетин южнее Главного Кавказского хребта вплоть до XVII в.» [12]. Такое «оригинальное мнение» известного грузинского ученого разделяется и многими другими его коллегами. Возьмем другого доктора исторических наук, профессора К.П. Харадзе, который старается не отставать от Н.Ю. Ломоури в преднамеренном искажении истории Южной Осетии, и не только Южной Осетии, но и других негрузинских народов, и тоже пишет: «Исторические источники, памятники материальной культуры, расселение населения (осетин. – ***В. Дз.***) и по сей день сохранившиеся географические названия свидетельствуют о том, что на всей территории Шида Картли (так официальные власти Грузии переименовали Южную Осетию в конце 80-х – нач. 90-х гг. XX в. – ***В. Дз.***) вплоть до XVIII в. были распространены только грузинские топонимы» [23, с. 151]. Аналогичных фальсификационных версий истории Южной Осетии слишком много в историографии современной Грузии.

Между тем средневековый исторический документ Грузии, известный в историографии как «Памятник эриставов», содержит ценнейшие сведения XIII–XIV вв. о пребывании в Закавказье, в частности в Картли, алан-осетин. Представленная в «Памятнике эриставов» топонимика и другие вещественные доказательства дают хорошую возможность для определения алано-осетинской топонимики Южной Осетии, особенно ее горной части, а также национальной принадлежности средневековых двалов, которые, по нашему убеждению, были составной частью алан-осетин. Известный специалист-кавказовед профессор Ю.С. Гаглойти по этому поводу подчеркивал: «Эти данные тем более показательны, что, будучи зафиксированными в хронике, созданной на рубеже XIV–XV вв., они дают возможность судить не только об этнической ситуации XIII–XIV вв., но и предшествовавших веков» [6, с. 45]. К этому следует добавить, что профессор Ю.С. Гаглойти убедительно и аргументированно критикует фальсификаторов истории Грузии и Южной Осетии, особенно касательно хроники «Памятник эриставов» [6, с. 38–55]. Тем не менее грузинские ученые-историки, успешно занимающиеся фальсификацией истории не только Южной Осетии, но и самой Грузии, продолжают охотно распространять ложь в различных газетах и журналах, радио и телепередачах, создавая из осетин образ жупела, кровожадного и неблагодарного соседа, которого «приютила гостеприимная Грузия». В этом отношении необходимо сослаться на оригинальные исследования ученого из Южной Осетии З.Д. Цховребовой «Осетины в Южной Осетии и Грузии в XIX–XX вв.» и другие, где она опубликовала данные камерального описания жителей Горийского и Душетского уездов Грузии 1830–1831 гг., а также другие в высшей степени интересные материалы и актуальные выводы. Основательные исследования ученого заслуживают, во-первых, большого доверия, а во-вторых, убедительно показывают ареал проживания осетин в Закавказье. З.Д. Цховребова показывает, что осетины и их предки проживали издавна не только на территории Южной Осетии, но многие из них в других регионах Грузии [24, с. 188].

В доказательство сказанного можно привести достаточное количество убедительных фактов и конкретных примеров. Свидетельства о народах Кавказа, в том числе грузинах и осетинах, имеются, как было подчеркнуто выше, в различных путевых заметках, дневниковых записях, дипломатических и иных сообщениях и т. д. Их составляли в целом просвященные люди своего времени, в том числе иностранцы. Они находились на русской службе в основном в качестве дипломатов, государственных служащих, офицеров императорской армии и т. д. В таких сведениях нуждалась и сама Российская империя, которая не только вбирала народы Кавказа в свою орбиту, но и хотела знать лучше и больше о культуре, истории, традициях и обычаях, конкретном месте компактного проживания того или иного из них. Интерес к одним сообщениям в силу различных причин заметно возрастал, а к другим – угасал. Так, к дневниковым записям офицера Русской Императорской армии Левенгата фон Штедера из Пруссии, известного в нашей историографии как Леонтий Штедер, до сих пор достаточно повышен-

ный интерес со стороны не только ученых-осетиноведов, но и большинства кавказоведов. В интересной во многих отношениях работе Л. Штедера «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г.» есть весьма удачные объяснения причин появления предков современных южных осетин высоко в кавказских горах, описываются подробности, которыми сегодня активно пользуются современные исследователи. Так, он писал: «Оссы, или по-русски осетины, граничат на востоке с ингушами и Тереком, на юге – с грузинами и имеретинцами (тоже часть грузинского народа. – ***В. Дз.***), на западе – с р. Лескен и Большой Кабардой, на севере – с Малой Кабардой…. Оссы занимают среднюю и горную часть Кавказа. Северные жители могут вооружить 6 000 человек; южные осетины породнились с грузинами и имеретинцами и могут выставить вместе 4 000 человек. Их образ правления также разнообразен, как и их округа и каждое селение имеет свой собственный общественный союз. Южная часть в значительной степени смешалась со своими соседями и в большинстве случаев говорит на грузинском языке» [15, с. 29–30]. Л. Штедер подробно анализирует не только жизнь южных осетин, но и многие «мелочи», которые кажутся не очень значительными фактами. Он подчеркивает: «Оссы, граничащие с грузинами, более покорны, чем те, которые граничат с имеретинцами. Обитающие в снежных горах совершенно не зависят от северных жителей; только те, которые живут у подножья гор, более зависят от своих старшин» [15, с. 30]. Судя по всему, русский офицер был достаточно внимательным и улавливал даже отдельные мелочи в жизни, быту, традициях и обычаях осетинского народа, которые он внимательно и последовательно описывал. В его дневнике мы читаем: «Отдельные остатки от церквей, святых мест и рощ являются свидетельством их прежней (осетин. – ***В.Дз.***) принадлежности к христианству. Каждая долина или округ имели свою церковь. От этих времен они сохранили только трех святых – Илью, Николая и Георгия, воспоминания о которых перемешаны со многими чудесами и суевериями и образы которых переделаны согласно их понятиям» [15, с. 30]. Подчеркну, что эти и некоторые другие его наблюдения, касательно южной ветви осетинского народа не теряют до сих пор своей актуальности, только потому, что они описаны достаточно правдоподобно и объективно. Он подчеркивал тяжелый характер жизни в Осетии, малоземелье, скудное пропитание и суровый образ и быт существования. Именно поэтому он отмечал: «Прирост населения требовал надежного пропитания; семьи стали объединяться для защиты, начали охотиться вместе, и первая ступень общежития привела их в средние цепи гор. Кругом их поселений было мало пастбищ для скота, а незначительная обработка земли спасала их в случае нужды от голода. Их жилища беспорядочно строились из отломанных камней, на крутых склонах скал или высоких вершинах, куда вели только ступеньки. Следы их видны всюду вблизи от селений. Многолюдные семьи почувствовали себя, наконец, достаточно сильными для того, чтобы спуститься в нижние плодородные долины, где они выстроили свои каменные жилища вкруг, укрепив их башнями. Их пашни лежали на расстоянии оружейного выстрела» [15, с. 31]. Далее русский офицер подробно описывает условия жизни южных осетин, которые в отдельных населенных пунктах проживали совместно с грузинами, армянами, евреями и другими народами. При этом он отмечает, что не замечал между этими народами какой-то враждебности. Он писал: «Пещеры, суровые горы и непроходимые места были теперь покинуты, но их старые привычки (осетин. – ***В. Дз.***) последовали за ними в долину. Все, что не находилось с ними в союзе, все, что не относилось ни к их селению, ни к их округу – считалось ими чуждым и они относились ко всему этому враждебно. Они вредили друг другу взаимными набегами, отделялись друг от друга, прекращали сношения, и это враждебное отдаление поддерживалось во все время их варварства. Охота оставалась их главным занятием и делала их все более жестокими, дикими и воинственными. Потомки их еще более расширили между собою раздоры и преследования. Это нарушило законную связь между селениями, и боязнь друг друга разделила их снова на семьи» [15, с. 31]. На мой взгляд, Леонтий Штедер здесь совершенно объективно описывает взаимоотношения различных частей Осетии, начиная от отдельных сел и заканчивая целыми ущельями. Более того, русский офицер попытался объяснить причины такой неприязни и даже враждебности друг к другу. В его дневниках можно найти наряду с интересным и даже оригинальным материалом описания достаточно «темных сторон» жизни наших предков. В осетинском обществе достаточно долгое время считались нормой такие вредные традиции, как «взаимные набеги», которые, надо полагать, сопровождались не только насилием, исключительной враждебностью, но и убийствами и уводом в плен своих соотечественников в качестве рабов. Из лучших побуждений можно было бы не повторять вслед за Л. Штедером такие негативные подробности и не расписывать их даже со ссылкой на него. Однако отдельные стороны этой вражды, неприязненных отношений, пусть даже в значительно меньшей степени, мы иногда видим и сегодня – через два века после публикации дневников Л. Штедера. Особое внимание он обращал на взаимоотношения мужчин и женщин в Осетии, в том числе и в ее южной части. Он писал: «Считается отвратительным бить женщину. Тот считается в безопасности, кого взяла под свою защиту женщина. Когда они вмешиваются в кровавые схватки с криками и распущенными волосами, то все пристыженные вкладывают сабли в ножны и расходятся до более благоприятных обстоятельств. Дотрагивание до их груди означает

усыновление чужого человека в качестве ребенка, брата или родственника. Если убит единственный сын матери, то молодой убийца бежит с кинжалом к матери убитого и принуждает ее подать ему грудь. Во время этого насильственного требования родственники требуют кровной мести. Решение предоставляется матери, которая сопротивляется… Среди таких частых убийств редко случается, чтобы погибала женщина» [15, с. 32–33]. Таким образом, Л. Штедер оставил нам по существу уникальные дневниковые записи, в которых достаточно полно описывает культуру, быт, традиции и другие, даже небольшие нюансы и «мелочи» характера осетинского народа. Он подчеркивает и относительную чистоплотность осетин по сравнению с некоторыми другими народами, особенно теми, кто вел кочевой образ жизни. Много внимания обращал на занятия мужчин и женщин, взаимоотношения детей с родителями, а также с пожилыми людьми. Однако для нас важно подчеркнуть, что южные осетины, по свидетельству Л. Штедера, проживали на этой исторической территории, которая в историографии России и Кавказа справедливо называется Южной Осетией, достаточно продолжительное время. По крайней мере, с древнейших времен.

Большой интерес для объективного исследования современной истории народов Кавказа имеют также записи француза Александра Дюма (старшего), Яна Потоцкого – поляка по происхождению, русского офицера иностранного происхождения Иогана Бларанберга и других. Анализируя сложные и противоречивые, с современной точки зрения, общественно-политические и межнациональные отношения, необходимо, как мне представляется, изучать не только исторические данные, документы архивов, что очень важно, но и анализировать то, что писали перечисленные выше и многие другие путешественники и ученые, побывавшие в разное время на Кавказе.

Что касается немца Якоба Рейнеггса, то в 1779–1783 гг. по заданию правительства Российской империи он совершил пять экспедиций по Кавказу. Будучи хорошим знатоком не только истории и географии, но и медицины, ему удалось «в 1779 г. под именем Якубхана стать достаточно близким человеком для царя Картли-Кахетинского царства Ираклия II» [14, с. 418]. Якубхан стал его личным лекарем. Есть немало интересных документов, которые свидетельствуют о весьма благожелательном отношении грузинского царя к иностранному лекарю. Об этом свидетельствует и то, что Якоб Рейнеггс входил в состав официальной делегации Картли-Кахетинского царства, которая была уполномочена Ираклием II подписывать официальный договор в г. Георгиевске (современный Ставропольский край) под названием «Георгиевский трактат 1783 г.». Для нас важно изучить сообщения немецкого путешественника, который описывает не только Картли-Кахетинское царство, но и осетинские деревни, которых было достаточно много в Закавказье, в том числе на грузинской земле. Кроме того, Я. Рейнеггс указывает также населенные пункты, где издавна компактно и совместно проживали грузины и осетины. Его интересная в целом работа «Историческое и географическое описание Кавказа» увидела свет после смерти путешественника. Книга осталась незаконченной, но она и в таком виде представляет определенный интерес для современных исследователей. Я. Рейнеггс не использует термины «Южная Осетия» и «южные осетины». Он воспринимал осетинский народ как единое целое.

Напомню, что термин «Южная Осетия» начал употреблять И. Гюльденштедт. Впервые он вводит этот научный, общественно-политический и географический термин в оборот в своем известном и популярном исследовании «Путешествие по Кавказу» [28, с. 246]. Сведения иностранного путешественника и ученого ценны тем, что он описывает места компактного проживания южных осетин, не называя их южными осетинами, а, как подчеркивалось выше, просто осетинами. От этого, правда, суть проблемы не меняется. Согласно Гюльденштедту, осетины компактно живут вокруг «южных притоков Куры, Арагви, Ксани, Батар и Диди Лиахви (Малой и Большой Лиахвы. – ***В. Дз.***), а также Джеджо, впадающего в Рион». Заметим, что труды И. Гюльденштедта увидели свет значительно позже, чем исследование Я. Рейнеггса. В то же время отметим, что осетины, как писал Я. Рейнеггс, «населяют значительный отрезок северной части Кавказа, а также со временем заселили его южную часть. Многие племена этого народа (скорее всего, путешественник под племенами осетинского народа подразумевает выходцев из разных ущелий Осетии. – ***В. Дз.***) абсолютно независимы, другие – пока находятся на довольствии, называют себя подданными российского императорского величества; некоторые относятся к Грузии (Картли-Кахетинскому царству. – ***В. Дз.***) и многие также к Иберии (имеется в виду Имеретия; а может быть, автор путает древнее название Грузинского государства с какой-то его частью в XVIII в. – ***В. Дз.***) [29, с. 726].

Важно отметить, что Я. Рейнеггс пытается отделить границы Картли-Кахетии от места компактного проживания осетин. В то же время он отличает тех осетин, которые продолжительное время проживали в долине Арагви, от других, издревле проживавших в долине Большой и Малой Лиахви, а также Паци и Ксани. Путешественник пишет: «Там, где Кура продолжает свой бег дальше к югу, она с северо-востока соединяется с другой мощной рекой, которая называется Кара-Калкан Зу (Большая Лиахви. – ***В. Дз.***). В месте слияния этих рек вдоль берега лежит город Гори, защищенный превосходной крепостью... Вдоль реки Кара-калкан Зу по обеим сторонам проходит граница с осетинами – очень воинственным народом» [30, с. 323–353].

Отделяя осетинские поселения от грузинских, иностранный путешественник делает интересные наблюдения. Он подчеркивает исключительно

важное значение Дарьяльского ущелья, которое к концу XVIII в. было известно, как «осетинская дорога» [19, с. 1825]. Эту стратегически важную дорогу по инициативе русского генерала П.Д. Цицианова (Цицишвили), воспитанного в Санкт-Петербурге и назначенного императором Александром I главнокомандующим на Кавказе, переименовали в Военно-Грузинскую дорогу. Я. Рейнеггс указывает осетинские поселения и даже расписывает их природные богатства и незначительные прелести, которые к постановке проблемы настоящего исследования не имеют отношения. Он пишет о том, что «в этом регионе (на севере Картли. – ***В. Дз.***) … в горах, а также за ними до самого Стефан-Цминда (ныне с. Казбеги на территории Республики Грузия, где и тогда совместно проживали осетины и грузины. – ***В. Дз.***) находится еще множество поселений осетин, как христиан, так и язычников, которые, по мнению Ираклия II, должны платить налоги, одна лишь их добрая воля да нехватка соли заставляют их быть смирными, когда они покидают свои крепкие жилища, спускаясь в долину» [30, с. 323–353].

Таким образом, объективный исследователь не может подвергать сомнению факт проживания южных осетин на территории, которая прочно вошла в историографию всей страны как Южная Осетия. Разумеется, она является составной частью единой Осетии. Исторически на протяжении длительного времени северные осетины проживали по одну сторону Главного Кавказского хребта, а южные осетины – по другую сторону этого хребта, что подтверждается многочисленными фактами истории, археологии, этнографии, материальной и духовной культуры и т. д. В этом плане нам определенную услугу оказывает и уникальная «Осетинская этнографическая энциклопедия», в которой подчеркивается: «Ущелье реки Малая Лиахва расположено к востоку от бассейна р. Большая Лиахва (Урстуалта, Дзауы ком), берет начало с Центрального Кавказского хребта (оз. Кел). Самые древние населенные пункты образовались в Гнухском (с. Гнух, Кулдим, Габилта, Лацаур, Цихпарух) и Бисоетском (Малдзигата, Самбиат, Бицойта, Пачур, Базойта, Инаури, Ципор) ущельях. Отсутствие грузинской топонимики и архитектурных сооружений свидетельствует о том, что ущелье изначально заселено осетинами» [14, с. 162]. Со временем с высокогорных территорий не только Южной Осетии, но в целом и Грузии горцы-осетины вынуждены были спускаться вниз по течению реки Малая Лиахва, «где они основали новые населенные пункты (Зонкар, Елтура, Сацхенет, Сатикар, Дменис, Сарабук и т. д.). О проживавших в ущелье фамилиях можно судить по сохранившимся названиям родовых поселений: Хацыртыхъау (с. Хачировых), Техтыхъау (с. Теховых), Тарата (Тараевы). Кроме них здесь проживали осетинские фамилии: Вазаговы, Малдзиговы, Валиевы, Гобозовы, Касаевы и др.» [14, с. 163]. Важно подчеркнуть и то, что ниже по течению Малой Лиахвы давным-давно образовались осетинские общества: Джерское (с. Джер, Гвриа, Албортихъау, Кларс, Маралет, Шелеур, Мармазет) и Стыркомское (с. Стырком, Ортеу и др.). «Отсюда вышли фамилии: Алборовы, Арсоевы, Бекоевы, Кулумбековы, Чочиевы, Мулдаровы. Переселение шло вниз по течению рек Малая Лиахва, Меджуда и Лехура» [14, с. 163]. Эти и многие другие объективные факты убедительно свидетельствуют, что южные осетины и их далекие предки были коренными жителями на территории Южной Осетии, которая с 26 августа 2008 г. признана независимым суверенным государством на Южном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.). – Тбилиси, 1966.

2. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. – Тбилиси, 1960.

3. Багратионе Вахушти. История царства Грузинского. – Тбилиси, 1976.

4. Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. – Владикавказ, 2007.

5.Гаглойти Ю.С. К изучению терминологии нартского эпоса // Известия ЮОНИИ, 1965. Вып. XIV. – Цхинвали, 1965.

6. Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал, 1996. 61 с.

7. Горгиджанидзе П. История Грузии. – Тбилиси, 1990.

8. Гюльденштедт Иоганн Антон. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб, 2002.

9. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития (Второе издание). – Владикавказ, 2004.

10. Захаров В.А., Арешев А.Г., Семерикова Е.Г. Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. – М.: Русская панорама, 2019.

11. История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.) / Составитель И.Н. Цховребов. Т. II. – Сталинир (ныне Цхинвал), 1960. 738 с.

12. Ломоури Н.Ю. Земля Шида Картли неприкосновенна // Заря Востока. – Тбилиси, 1991. – 22 января.

13. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.

14. Осетинская этнографическая энциклопедия / гл. ред. доктор исторических наук, проф. Л.А. Чибиров. – Владикавказ: Издательство-пресс, 2013. 688 с.

15. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). (Составление, вводная статья и примечание проф. Б.А. Калоева). – Орджоникидзе, 1967.

16. Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М., 1984.

17. Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности / Сб. статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. – Прага, 1926.

18. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1962.

19. Советская историческая энциклопедия. Т. 3. – М., 1963.

20. Техов Б.В. Осетины – древний народ Кавказа. – Цхинвал, 1993.

21. Техов Б.В. Раскопки Тлийского могильника («Археологические открытия 1986 г.»). – М., 1986.

22. Тогошвили Г.Д., Цховребов И.Н. История Осетии в документах и материалах (Т. 1–3). Т.I – Сталинир (ныне Цхинвал), 1962.

23. Харадзе К.П. Происхождение и развитие топонимов Шида Картли // Осетинский вопрос (Сборник статей). – Тбилиси: Терра, 1994. 343 с.

24. Цховребова З.Д. Осетины в Южной Осетии и Грузии

XIX–XX вв. Ч. I. – Цхинвал, 2007.
25. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ, 1994.
26. Яновский А.Г. Обозрение Российских владений за Кавказом. – СПб, 1836.
27. Яновский А.Г. Осетия. – Цхинвал, 1993.
28. Klaproth, Julius. J.A. Guldenstadt,s Beschreibung der Kaukasischen Länder. – Berlin, 1834.
29. Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch-toppographische Beschreibung des Kaukasus - Gotha. SPb., 1796-1797. Bd.1-2.
30. Reineggs, Jacob: Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien // Neue nordische Beitrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Volker-Beschreibung, Naturgeschichte und Okonomie. Bd. 3, St. Peterburg, Leipzig, 1781-1783.

REFERENCES

1. Andronikashvili M.K. Essays on Iranian-Georgian linguistic relations (in Georgian). Tbilisi, 1966.
2. Akhvlediani G.S. Collection of selected works on the Ossetian language. – Tbilisi, 1960.
3. Bagration Vakhushti. The history of the Kingdom of Georgia. – Tbilisi, 1976.
4. Gagloiti Yu.S. Alano-Georgika. Information from Georgian sources about Ossetia and Ossetians. – Vladikavkaz, 2007.
5. Gagloiti Yu.S. On the study of the terminology of the Nart epic // Izvestiya YuONII, 1965. Issue XIV. – Tskhinvali, 1965.
6. Gagloiti Yu.S. Problems of the ethnic history of the southern Ossetians. – Tskhinval, 1996. – 61 p.
7. Gorgidzhanidze P. History of Georgia. – Tbilisi, 1990.
8. Guldenshtedt Johann Anton. Journey through the Caucasus in 1770-1773. – SPb, 2002.
9. Dzidzoev V.D. The Caucasus at the End of the 20th Century: Trends in Ethnopolitical Development (Second Edition). – Vladikavkaz, 2004.
10. Zakharov V.A., Areshev A.G., Semerikova E.G. Abkhazia and South Ossetia after Recognition: Historical and Contemporary Context. – M.: Russian Panorama, 2019.
11. History of South Ossetia in Documents and Materials (1800-1864) / Compiled by I.N. Tskhovrebov. Vol. II. – Stalinir (now Tskhinval), 1960. – 738 p.
12. Lomouri N.Yu. The Land of Shida Kartli is Inviolable // Zarya Vostoka. – Tbilisi, 1991. – January 22.
13. Melikishvili, G.A. On the History of Ancient Georgia. – Tbilisi, 1959.
14. Ossetian Ethnographic Encyclopedia / ed. by L.A. Chibirov, Doctor of Historical Sciences, Professor. – Vladikavkaz: Izdatelstvo-Press, 2013. – 688 p.
15. Ossetians through the Eyes of Russian and Foreign Travelers (13th-19th Centuries) (Compiled, Introductory Article, and Notes by Prof. B.A. Kaloev). – Ordzhonikidze, 1967.
16. Pogrebova M.N. Transcaucasia and its Relations with Western Asia in the Scythian Period. – Moscow, 1984.
17. Rostovtsev M.I. Sarmatian and Indo-Scythian Antiquities / Collection of Articles Dedicated to the Memory of N.P. Kondakov. – Prague, 1926.
18. Soviet Historical Encyclopedia. Vol.2. – M., 1962.
19. Soviet Historical Encyclopedia. Vol.3. – M., 1963.
20. Tekhov B.V. Ossetians are an Ancient People of the Caucasus. – Tskhinval, 1993.
21. Techov B.V. Excavations of the Tliysky burial ground ("Archaeological discoveries of 1986"). – Moscow, 1986.
22. Togoshvili G.D., Tskhovrebov I.N. The history of Ossetia in documents and materials (Vol. 1-3). Vol.I – Stalinir (now Tskhinval), 1962.
23 Kharadze K.P. Origin and development of toponyms of Shida Kartli // The Ossetian Question (Collection of Articles). – Tbilisi: Terra, 1994. – 343 p.
24. Tskhovrebova Z.D. Ossetians in South Ossetia and Georgia in the 19th and 20th Centuries. Part I. – Tskhinval, 2007.
25. Ethnography and Mythology of the Ossetians. A Brief Dictionary. – Vladikavkaz, 1994.
26. Yanovsky, A.G. Overview of Russian Possessions beyond the Caucasus. – SPb, 1836.
27. Yanovsky, A.G. Ossetia. – Tskhinval, 1993.
28. Klaproth, Julius. J.A. Guldenstadt, s Description of the Caucasian Lands. - Berlin, 1834.
29. Reineggs, Jacob. General historical-toppographic description of the Caucasus - Gotha. SPb., 1796-1797. bd.1-2.
30. Reineggs, Jacob: Short excerpt of the history of Georgia//New Nordic contributions to the physical and geographical description of the earth and peoples, natural history and economy. Vol. 3, St. Peterburg, Leipzig, 1781-1783.